

ОЩЕПКО СЕРГЕЙ

О Я РАТУ

Ощепк Сергеич Я РАТУ

<https://litres.ru/74634803>

SelfPub; 2026

Аннотация

В опусе изложена онтология третьего репликатора (после гена по Дарвину и мема по Докинзу).

Содержание

Пустота	4
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Ощепк Сергеич Я РАТУ

Пустота

[Год господень 0]

[Научный центр Сибирской низменности]

[Хакон]

— УТ-РА!

Хакон стоял у окна общежития и от радости выбрасывал из него восклицания. Это было громче и экспрессивней, чем «декламировал», но тише и будничней, чем описывает слово «кричал».

— Я-а-а. Утра и я.

Радость не была беспричинной. Во-первых, был август, а пахло маем. Во-вторых, седьмое общежитие стояло прямо напротив чудного соснового леса. Пусть оно было всего-навсего пятиэтажное, но по местным меркам – это башенка. Соревнуясь высотой с соснами, оно на пару с лесом создавало ущелье, богатое эхом.

«Какой замечательный подоконник, — подумал Хакон. — Столько всего видно».

— Подоконник! — крикнул Хакон погромче.

— Конник! — ответила кромка леса.

Два студента выносили из леса раму с жестяным полотном. Они бросили взгляды на Хакона и прибавили шагу. На полотне краской было написано: «Береги зелёного друга».

«Следовательно, у них есть другой зелёный друг, который им ближе, — решил Хакон. — Иначе бы они несли эту штуку в лес, а не из леса». Его радовало сейчас даже противное воронье гнездо под карнизом.

Годы приюта были позади. Впереди маячила пара лет интерната для одарённых детей. Путь в большое будущее был виден. Преодолеть последний отбор в конце месяца – и всё. Дело почти решённое. А дальше... тут всё другое. Тут все разные. Почти все – нормальные. Из семей.

Хакон вышел в коридор и стал спускаться по лестнице. За окнами на ветках сосен висели старые башмаки. Парами. У них было общее свойство, не мог не отметить Хакон: были только такие, у которых шнурки. Потому как закидывали их на ветки подобно древнему метательному оружию – болеадорасу. Спустившись на этаж ниже, Хакон довёл свою мысль до совершенства: приписал им ещё одно общее свойство – все они сплошь бесхозные. То есть объединяло их отсутствие хозяев.

Довольный собой, Хакон стал ускоряться. Последний лестничный пролёт он перелетел в прыжке полностью, не коснувшись ни одной из одиннадцати ступенек. Инерция отплатила ему чувствительным ударом – висящий через плечо

фотоаппарат в плотном коричневом футляре приложился по позвоночнику.

Не отвлекаясь на досаду и боль, Хакон выпорхнул на улицу. Солнце!

Он вовремя замечает кастеляншу. Летом она заодно комендант общежития.

Он уходит западным галсом, не давая подрядить себя на сбор опавшей не по сезону листвы.

Он шагает по широкому и пустому из-за субботнего дня тротуару.

Он разминает слегка в кармане мумию крысы. Уют, а точнее, даже интимность этого пространства не может не нравиться мумии, полагает Хакон.

Он смотрит на плазму Солнца, а мумия смотрит на подкладку у бедра, у паха. Там, в нижнем и телесном тепле, она чувствует его пульс.

Дойдя минут за семь до здания Университета, он легко избежал вверх по лестницам и переходам до холла перед деканатом физического факультета. Там собирался народ – его коллеги по летнему научному слёту, а также конкуренты на будущих заключительных тестах. Хакону не было до них дела.

Однако он тут же был вынужден изменить своё мнение. Среди присутствующих оказалась группа девушек. Все три вызвали у него интерес. А при взгляде на одну из них так и вовсе всё внутри застонало от восторга и зануло от бессилия

— видит око, да зуб неймёт.

Впрочем, в этот момент подошёл незнакомый долговязый очкастый аспирант и громко объявил, что он аспирант. Это никого не заинтересовало, тогда он добавил, что его сокурсник попросил его провести субботнюю программу вместо него.

— Ну, после пятницы — оно понятно, — раздалось смешки и ворчание.

— Мы пойдём в поход на полдня, — сказал аспирант. — Спортивное ориентирование. Идём к геодезической вышке. Вот карты. Берите по одной. Отмечать присутствие на мероприятии буду по вашим подписям на финальной точке.

И он тут же взял курс на выход, не намереваясь пускаться в объяснения и тем более рассматривать претензии, что у нас, дескать, ни обуви подходящей, ни воды, ни еды.

— На финише напою чаем из смородины, — крикнул он через плечо, будучи уже на лестничной площадке.

Народ потолкался с минутой, порассуждал, что такое чай из смородины. С чаем он или без? Кроме того, пришли к мнению, что раз соревновательный аспект не был упомянут, значит, рвать жилы смысла нет. Очевидно, никакого приза за скорейшее прохождение дистанции не предполагалось.

Хакон придерживался примерно такого же мнения. Поэтому он спокойно вышел на улицу и припустил трусцой, ориентируясь на карту. Однако когда он оказался в лесу, небольшое тело его вспомнило о своей изначальной приро-

де. Гравитация тут же услужливо включила небольшой виртуальный уклон вниз, и Хакон, восторженным биомеханизмом, начал быстро стелиться вдоль тропы.

Он достиг первого контрольного пункта минут за пять. Им оказался старый манекен из магазина одежды со сломанной рукой. Пластиковое туловище нелепо сидело, прислонившись к стволу сосны. На сучке висели короткий карандаш на верёвочке и планшет. Хакон написал своё имя в первой строчке. Других имён в списке не было.

В течение следующего часа Хакон прошёл ещё десять пунктов, широкими волнами продвигаясь по лесным тропам на юг. На последних этапах дорога шла в горку, и он наконец ощутил законную усталость. Хакон по достоинству оценил мрачный юмор организатора мероприятия: манекены имели на каждом контрольном пункте уникальные увечья конечностей и торса.

Последний контрольный пункт Хакон увидел издалека – это была геодезическая вышка, смысл которой был в том, чтобы обозначать самое высокое место во всём административном округе. Реальное предназначение было неизвестно.

Место было пустынным, и последние сотни метров Хакону пришлось продираться сквозь нескошенную августовскую траву. Она возмущалась. Его шаги порождали множество запахов и естественной пыли – смеси пылицы, останков насекомых и иной растительной перхоти.

Как Хакон и ожидал, у последнего манекена был пролом-

лен «череп». Как только он расписался в контрольном листе – всё ещё первым, – у основания вышки возник второй ориентировщик.

— Ты кто такой, вообще? — поприветствовал он Хакона удивлённым возгласом. — Я вообще-то чемпион области по ориентированию.

— Тут нужно время проставлять текущее в записи? — поздоровался в свою очередь Хакон.

Хакон рассмотрел «чемпиона». Высокий парень. Холёное лицо. Подбородок – как у хоккейного шлема.

«Птица высокого полёта – дело ясное, — подумал Хакон. — Но тяжёлый больно».

— Ну что, наверх по лестнице? — предложил Хакон. — Для звучного финала. Поорём там сверху.

— Это дело, — тут же согласился дылда и первым подпрыгнул, чтобы уцепиться за лестницу.

Взбирались долго. Дело было не столько в высоте, сколько в боязни раскачать лестницу и вообще всю вышку. Начинили карабкаться вдвоём – так подлая конструкция тут же угрожала резонансом. Преодолели кусочками и по очереди.

Наверху здоровяк достал из кармана яблоко, обтёр об рукав и предложил Хакону.

— Погодите-ка, — сказал Хакон и придержал его руку в том же положении двумя пальцами, как клешнёй, — сейчас вылетит птичка.

Затем он сделал ещё пару правок, поработал чуть над позой фотомодели, сам присел наконец на корточки и сделал снимок.

Ну а затем Хакон взял яблоко и откусил сразу треть.

— Вы где такое взяли? По талонам такого не дают. Во, держите.

Парень взял протянутую ему горсть ранеток.

— По дороге сдёрнул, — пояснил Хакон. — Через забор ботсада дотянулся.

— Справедливый обмен. Я Грачёв.

— Вы, Грачёв, отлично бегаєте.

— Ты тоже.

Грачёву хватило чутья поддержать игру Хакона. Если б и он обратился на «вы», было бы не смешно.

— А тебя как зовут?

— Хакон.

— А дальше? — спросил Грачёв.

Хакон замялся на секунду.

— Как думаете, почему поле движущегося заряда сплюсчивается вдоль линии движения?

— Кинематический эффект. Преобразование Лоренца.

— А вот Хэвисайд считал, — сказал Хакон, — что это деформация упругого эфира. Заряд сгребает перед собой упругую среду.

Грачёв грустно улыбнулся.

— В наших играх нынче, в песнях и романах — главный

герой всегда пустота. Какой тут эфир. Ты это к чему вообще? Ты это зачем рассказываешь?

— Я ему почти родственник.

— Кому? Хэвисайду?!

— Однофамилец. Я ж «Тяжёлая стена» по родовому имени.

Грачёв развеселился и заинтересовался:

— Это как так вообще?

— Тунгусы, — сказал Хакон. — Племя предков подряжалось на работы в каменоломне. Так вот придумали потом. Самоназвание.

На пути вниз соблюдали тот же порядок. Впереди Грачёв, затем Хакон. Вниз оказалось ещё страшнее, причём значительно. То и дело зависали на месте – ждали, пока конструкция перестанет вибрировать.

— Вы заметили, какие тут девочки? — спросил Хакон.

— Пустое, — сплюнул Грачёв, пользуясь тем, что он был ниже.

— Отчего же?

— Всех выгонят к концу слёта. Никто не сможет сдать экзаменов. Только пара уродин.

Хакон прикинул и согласился.

— Тем более, — сказал он.

— Чего тем более?

— Надо как-то успеть.

У Грачёва был ответ и на это.

— А ты выбери одну, резко зайди на сближение и сразу ей скажи, что в ней ничего нет.

— «Ничего нет»? — не понял Хакон. А потом понял: — А, в смысле ничего такого?

— Да нет, совсем ничего. Порожняк. Пустота.

— Обидится, — засомневался Хакон.

— Делов-то. Пустое. Суета сует и томленье духа. Останешься при своих. Зато честно.

— Так-то да, но почему честно? У неё ж, может, внутренний мир какой.

— Ну тебя-то интересует пустота, правильно. Куда присунуть-то хочешь? Во внутренний мир, что ли? Думаю всё же — в тесную пустоту, Тяжёлая ты Стена.

Когда доползли донизу и Хакон, вслед за Грачёвым, спрыгнул на утоптанную площадку, у него вывалилась из кармана мумия крысы.

— Rat! U! Fucka! Что это?! — воскликнул Грачёв.

— Мумия крысы. Уже почтимышь.

Грачёв успокоился.

— Такмышь или крыса?

— Ссохлась сильно, — сказал Хакон. — Так-то это настоящая крыса.

— Зачем, святые угодники? Как ты вообще попал сюда с такими загонами?

— Из приюта, — ответил Хакон. — Ну, и по физике чутка умею. Внешняя душа Рода. Так-то родителей нету.

Грачёв подвигал подбородком, оценивая ситуацию.

— Понял, — сказал он. — Я тебе, Тяжёлая стена, что скажу: это полезная в жизни пустота.

— Почему это?

К этому времени на краю огромной поляны, на северном её конце, начали появляться отставшие ориентировщики.

— Не надо на похороны ехать, если что. Да и вообще — полезный пробел в биографии. За происхождение не будут гнобить.

— А вас гнобили? — поинтересовался Хакон.

— Всех тут гнобят.

— Вы не погибаете ли, Грачёв?

— Ну попробуй съездить за границу. В Америку, скажем, или в Европу.

— Ну, у вас, смотрю, совсем нет веры в наше государство, — примирительно сказал Хакон.

— Хочешь потерять веру в государство — подружись с государственным, — ответил Грачёв.

Хакон посчитал, что паренёк, очевидно, со связями, коль горюдит такую ересь и крамолу.

«Это интересно», — подумал он.

Через минут двадцать собралась постепенно вся группа. Аспирант пришёл последним. Возможно, он где-то сидел неподалёку в засаде. При нём было всё для пикника, включая дрова и листья смородины. Чая не было.

На следующий день, в рамках программы ранней специализации, Хакон отправился в лабораторию физики плазмы. Находилась она в Институте ядерной физики, в одном из титанических его подвалов.

Там к нему приставили какого-то стажёра, который галопом показал все три бублика токамаков, а потом всучил учебник и растворился. Хакон добросовестно почитал учебник часа два, потом посчитал, что степень утомления даёт ему право на передышку. Пошёл погулять.

Вышел в огромный внутренний двор. На бетонном крыльце стояли во множестве сосуды Дьюара, некоторые были прикрыты сверху половинками кирпичей.

Тут дверь, пристёгнутая пружиной, распахнулась от выверенного лёгкого пинка ровно на полсекунды, чтобы смог выскользнуть сутулый мужичок. Он кивнул Хакону, зажёг сигарету и спросил:

— С летнего слёта?

— Ага, — кивнул Хакон, — а зачем сосуды прикрыты? Снижает испарение азота?

— У нас тут другие водороды, приятель. Не азот. Не ради этого. В Институте катализа стали делать новые кеги, видишь. Лёгкие больно. Ветром уносит, если пустые. По всему двору их потом собирать. А тебе зачем физика плазмы?

— Ну как, обуздать рукотворное солнце... — ответил Хакон, стараясь вложить в свою интонацию оптимальную долю иронии.

— Порожняк, — выпустил его собеседник клуб дыма. — Официоз. Дырку от бублика они обуздают.

— Не рекомендуете эту кафедру? — спросил Хакон серьёзно.

— Ещё как рекомендую. Нет ничего чище плазмы в мире, — сказал мужичок и подмигнул щербатым зубом.

— Чище? — не понял Хакон.

— Чистая, оголённая энергия и заряд. Аполлон, считай.

— Кто полон? — снова не понял Хакон.

— Бог света, науки и... чумы тоже, правда. Сминфей — мышиный бог. Короче, посмотри в сторону альфеновских солитонов.

— Это магнитные полости?

— Они тоже, да. Живая пустота. Ну или топологический дефект. Это как посмотреть.

— Спасибо, — сказал Хакон. — Обязательно посмотрю.

Цигарка выгорела, и мужичок, не попрощавшись, исчез внутри здания.

Околдованный упоминанием мышиноного бога, Хакон вернулся к своему куратору, выразил желание взять книг по полостям в плазме на неделю и отпросился до следующего раза. Тот и рад был стараться: избавился от Хакона в считанные минуты, одолжив даже ему свой ранец.

Весь остаток дня Хакон посвятил себя увлекательному чтению о том, как уединённая волна ведет себя как частица.

Совсем уже вечером раздался стук где-то в коридоре, а

потом голос:

— Эй, Тяжёлая стена.

Стучали явно не в дверь. Видимо, в косяк. Хакон вышел посмотреть, кому он понадобился так поздно.

Распахнул дверь. Никого не увидел. Потом оказалось, что не туда смотрел. Внизу, на полу, на карачках стоял Грачёв.

— Идём завтра на встречу с духовным лидером, — объявил он. — Сюда, оказывается, власти иногда запускают разных таких.

— Вы, Грачёв, безбожно пьяны, — напомнил Хакон.

— Безбожно – ключевое слово, — ответил Грачёв. — Будем завтра стегать духопоборников твоей плазменной кармой.

Просто чтобы отвязаться от него, Хакон согласился.

«Забудет к утру – и все дела», — подумал он.

Подпёр на всякий случай дверь спинкой стула и лёг спать. Утро вечера трезвее.

Однако утром Грачёв явился волшебным образом достаточно свежий. И главное – помнящий.

— Мышь не забудь, — буркнул он.

— Крыса же – ну, говорю же, — в том же тоне ответил Хакон, раздосадованный своим легкомысленным обещанием прошлым вечером.

Шли всю дорогу молча. Если попадались пустые сигаретные пачки – отпинывали в стороны. Просто, чтобы не совсем

уж зря идти.

Сбор секты оказался просто на чьей-то квартире. Было человек пятнадцать. Кто-то сидел на стульях, кто-то на полу, кто-то стоял у стены. Стулья при этом были заняты не все. Пахло топлёным маслом.

— Сядем? — шепнул Хакон Грачёву.

— Нет. Стоим тут. Вот так встань.

Грачёв принял неприятную позу: ноги почти на ширине плеч, кисти рук собраны вместе и опущены почти к самому паху.

— Ты уверен, что надо вот так, прямо как охрана диктатора? — уточнил Хакон.

— Защитим первую чакру, — невозмутимо ответил Грачёв.

Собрание состояло из трёх частей. Сначала пели гимны, которых друзья не знали. Поэтому они просто стояли. Потом раздавали еду. Пища оказалась очень вкусной. Хакон мгновенно простил Грачёву потерю времени. Потом началась то ли проповедь, то ли лекция. Хакон слушал вполуха — он не ел столь обильно уже многие месяцы и поэтому с трудом бодрствовал.

«Методологическая ошибка», — думал он насчёт организаторов собрания и их подхода к охмурению населения. Но затем осознал, что крючок на следующий приход у него конкретно, у Хакона, уже внутри организма.

Говорили про какие-то реки. Реки, дескать, были причи-

ной того, что разум трёхмозговых существ постепенно стал вырождаться. Что жизнь – это не материя, а форма отсутствия, узор ограничений. Что информация и жизнь – это не материя, а ограничение материи.

«Мельница чепухи», — подумал Хакон.

Когда обо всём было переговорено и многим стало явно скучно, один из сектантов предложил для разнообразия заняться развлечением, которое они называли «*cinqe contra uno*».

«Пять против одного», — перевёл сам для себя Хакон.

Но тут вмешался Грачёв.

— А вот в журнале «Знание – сила» было написано... — громогласно начал он.

— Знание – слабость, молодой человек, — мгновенно прервал его духовный лидер. — Отсутствие само-морочения – вот сила.

Грачёв тут же вытянул Хакона за локоть вон из квартиры. Никто им и слова не сказал.

Уже на улице Грачёв спросил:

— Перекусил?

Хакон кивнул.

— Вот и хорошо. Домой?

— Да. Я бы поспал минуточек сто.

— Вот ты спящая машина, — пожурил Грачёв.

И они пошли напрямую через лес к общежитию. Тропа была очень утоптанной, но поперёк неё тянулось множество

сосновых корней, о которые то и дело приходилось спотыкаться.

— Что за трёхмозговые там у них? — спросил Хакон.

— Факир, йог и монах — такие три роли в игре, — ответил Грачёв. — Давняя проблема двух полушарий мозга. Одно другому в итоге приказывает и показывает. Три надо, по идее-то. Вдвоём-то нельзя договориться.

— Понятно, — протянул Хакон.

На последнем слоге голос его скис, потому что он уже видел всю бесперспективную тоску последующих минут пяти. На тропе впереди были «местные». Так называли прослойку молодёжи, состоящую из локальных уроженцев, лишённых таланта или же не желающих иметь отношения к науке. Крайне неприятные типы. Количество их было, конечно же, таким, чтобы доминировать в любой стычке против случайных прохожих. Случайные прохожие всемером не ходят.

Однако три обстоятельства сыграли на руку Грачёву и Хакону. Во-первых, антинаучно настроенных молодых людей было слишком много. Они друг другу мешали. Вторая причина заключалась собственно в Грачёве и его массе. А третья — в Хаконе.

Хакон, дитя человеческое и приютское, имел в голове кровью написанный военный устав. И были в нём статьи для тех случаев, когда Хакон оказывался на войне не в качестве полноправного участника.

В недопустоте жизни дворового опоздала булькает, пусть

и смрадной бражьей пастью, но Дух Отца в Доме. Знание же Хакона, что сейчас может наступить ничто, – абсолютно на этом блёклом фоне. Локоть Хакона – его палаш и абетьникъ. Чужая кость по чужой шее – плаха. Плаха. Плаха.

Хулиганы осознали свою ошибку очень быстро. Однако к тому моменту у Хакона была выщербина в левом клыке, а также кое-какая кровь на щеке. Возможно даже – не его. Грачёв о своих потерях умолчал. Впрочем, их могло и вовсе не быть.

— Неприятно, — сказал он.

— Согласен, — сказал Хакон.

Он шёл и не переставал ощупывать новую искусственную пустоту в своём теле языком.

Когда они дошли до общежития и распрощались, Хакон почувствовал прилив сил. Он направился к тому блоку комнат в общежитии, в котором обитала – по его скромным наблюдениям – та самая девушка. Та, чья внешность вызывала в Хаконовом теле настоящую ломоту.

Хакон постучался, а затем провёл диалог строго в соответствии с инструкциями Грачёва. В частности, он сказал, что девушка является «пустотой в пространстве». К его восторгу, красавица сказала:

— Я и хотела бы быть пустотой. Ни пота на коже, ни блеска, ни возможности залезть под юбку. Только лишь каверна в пространстве.

И у Хакона всё получилось. Когда он шёл к себе, фи-

зиологически он был очень доволен. Эмоционально тоже. А вот в других сферах он пришёл к выводу, что «гора родила мышь». И что он, Хакон, носит теперь с собой эту иронию буквально. Так или иначе, отведав в первый раз в своей жизни сего плода, он попросту лёг спать с намерением спокойно жить дальше.

Не тут-то было.

Припёрся Грачёв.

В этот раз трезвый.

— Конкурс на поездку в Америку, — с порога заявил он.

— Я узнал — там дата рождения неподходящая.

— Кому неподходящая? — не понял Хакон.

— Я слишком молодой. На тридцать три дня. Не возьмут в рассмотрение даже. Завтра сдавать.

— Сочувствую, — сказал Хакон.

«А что ещё я могу сказать?» — подумал он.

— Надо в паспорте дату подделать, — сказал Грачёв. — Мы ж их тут ещё не сдавали нигде.

Хакон подумал, что будет очень глупо говорить Грачёву о том, что, в принципе, за это предусмотрена уголовная ответственность. А то он сам не знает. Поэтому он сказал то, что первое пришло в голову:

— Хитростью дважды родишься, дважды, поди, и помереть придётся.

Грачёв тогда махнул рукой и ушёл.

Весь август прошёл ровно. Лекции, семинары, практика. К концу месяца девушка Хакону смертельно надоела, но её пребывание в научном центре, к счастью, обрубил экзамен. Статус же Хакона сменился на «студента интерната» незаметно – высокие текущие баллы позволили ему вовсе не проходить финального летнего теста. Грачёв был, наверное, ещё успешнее, но пятибалльная система записи оценок не позволяла эту разницу выявить.

Затем – с сентября – началась действительно серьёзная учёба. И вот тут превосходство Грачёва стало очевидным. За два семестра он победил в четырёх из пяти состязаний внутри факультета. Он также сообщил по секрету Хакону, что вступил в переписку с известнейшим в мире специалистом в области чёрных дыр. Сам Хакон сошёл на короткой ноге с одним из трёх институтских токамаков. Его даже привлекли на четверть ставки, чтобы он по выходным присматривал за системой. Грачёв в течение всего учебного года якшался с целым зверинцем разных иностранных сектантов, тогда как Хакону хватило того одного раза.

И вот утром в воскресенье, двадцать пятого мая, Грачёв явился к Хакону с просьбой:

— Пойдём со мной самовар воровать. По дороге расскажу.

Хакон никогда прежде самоваров не воровал, поэтому приглашение принял.

Погода была поистине майская.

Самовар был украден через полчаса в музыкальном клубе, где он, очевидно, никому и не был нужен уже долгие годы. Там, за обычными шифоньерами, переоборудованными в шкафы для грампластинок, было оставлено пространство для обитания разного хлама. Был там и электрический самовар объёмом в три литра. Грачёв тщательно отмыл его в общественном туалете, и они отправились туда, где Грачёву действительно нужна была поддержка Хакона.

— Это будет типа бэкап, — сказал Грачёв.

— Страховка? От чего?

— Я когда туда приеду, я там останусь. Вообще, — объявил Грачёв будничным тоном.

— Ничего не понял, — признался Хакон.

— Я еду по конкурсу в Америку, ты не знаешь, что ли?

— А! Грачёв! Ну, поздравляю вас. А я — нет, меня, знаете, на ранних подступах отсеяли, я и не интересуюсь этим больше.

— На ранних? Что за чёрт? По идеологическим?!

— Подозреваю, что да, — сказал Хакон без особого сожаления.

— Это кто-то нагадил, — с уверенностью сказал Грачёв.

— Зачем это кому-то?

— Ты не понимаешь кармо-динамики. Хотя должен был бы. Карма — как плазма.

— Ой, Грачёв, не морочьте мне голову. Давайте вернёмся к вашей проблеме.

Грачёв тут же согласился. Они проходили мимо почтово-телеграфного отделения, и Грачёв сказал, что ему нужно проверить почту.

— Вам перестали доставлять уведомления в общежитие?

— Сам отказался. Воруют, как только видят указания на иностранного респондента.

— Вы прямо-таки притягиваете неприятности, — покачал головой Хакон.

Убедившись в отсутствии поступлений, Грачёв предложил зайти в кафе-мороженое.

— Вы, я вижу, стараетесь отложить мероприятие, — заподозрил Хакон.

— Тут ты прав, Тяжёлая друг Стена. Не знаю, понимаешь, как выстроить...

Хакон предложил другу подождать за столиком, а сам отправился к барной стойке за мороженым:

— Я угощаю, — сказал он.

«Так себе прощальный студёный пир, — подумал он. — Но уж чем богаты».

Орудую маленькой ложкой с несуразно длинной ножкой, всячески избегая касаний липкого стола из авиационного алюминия, Грачёв принялся рассказывать:

— На той стороне – принимающий университет – точно не поможет.

— Политика, — согласился Хакон.

— Ещё и в депортационную службу позвонит, если даже

намёком проговорюсь. Нужен какой-то перевалочный пункт. Денег у меня будет ровно ноль. Тут целый месяц орудовали одни сектанты, я к ним прибилсь. Помогал на экскурсии ездить. Сказал, что меня Университет подрядил. Многожёнцы...

— Хрен редьки не слаще, — отметил Хакон.

— Они живут в городе Солёного Озера. Дыра дырой. На самом почти западе континента. Но там рядом – город под названием Звезда-в-Пустыне...

— Ого!

— Вот-вот, — кивнул Грачёв. — Там деньжищи крутятся огромные. Казино на казино и казино погоняет. Туда поеду потом.

— Ну так а самовар зачем?

— В подарок, — сказал Грачёв.

— А почему самовар-то? Подарили бы что-нибудь от себя.

— Так у меня нет ничего. И ни гроша.

— Хм, мне казалось, что вы из благополучной и даже, можно сказать, богатой семьи.

— Я?! Ну ты скажешь вообще. Мать при смерти, остальные на грани белого сумасшествия.

Хакон не знал, что сказать. Поэтому ничего и не сказал. Они доели мороженое и продолжили путь. Грачёв стал давать прямые инструкции:

— Просить я их не могу. Дескать, разрешите у вас пере-

кантоваться, господа буржуи. А ещё лучше – купите мне билет до вас с Атлантического побережья.

— И как быть? — спросил Хакон, который не видел в этом плане ни малейшего намёка на успех.

— Надо, чтобы они сами предложили.

Хакон искренне удивился:

— Я не думал, Грачёв, что вы столь высокого мнения о моих способностях к манипуляции людьми. Причём на чужом языке.

Грачёв тогда как-то приосанился и заявил:

— В корне всякой проблемы воткнул Хакон. Я это доподлинно выяснил, проводя изыскания в области кармо-динамики.

— Как-то вы незаметно за полгода сошли с ума, Грачёв, — сообщил Хакон.

Грачёв не обратил на это внимания.

— Обычный человек, Тяжёлаястена, не обладает единством и волей. Он и не помнит себя толком. Вместо единого «Я» у него множество мелких, сменяющих друг друга. У тебя одно. И это, кстати, ещё хуже. Должно быть три. Но сейчас на эти объяснения нет времени. Короче, продави их, Хакон.

Хакон отметил про себя, что Грачёва, видимо, действительно припёрло, коли уж он назвал его по имени.

Тут Грачёв достал из кармана свёрток.

— Это тебе. Настоящая. От мастеров с Альбиона. Фирма с историей в триста лет. Три месяца деньги копил. Таможню

кое-как оформил. С пересылкой намучился – не дай Бог кому. Бери.

Хакон развернул свёрток.

Там было чудо. Прелестная плюшевая мышка из нежнейшего материала. Два глаза-бусинки влюблённо уставились на Хакона. Хакон внутренне растаял, однако тут же собрался и сказал:

— Спасибо, Грачёв. Был бы я с вами на «ты», обнял бы. Грачёв сиял.

Через минут пять он стучал в дверь профессорской квартиры с высокими потолками, которую выделил гостям Университет.

В прихожей и большой комнате сустились один мужчина и три женщины.

«Тезис о многожёнстве имеет шанс на подтверждение», — отметил Хакон.

Грачёв поприветствовал всех четырёх по очереди странным ритуалом: пара делала намёк на объятие, касаясь руками плеч друг друга, а затем имел место намёк на намёк на поцелуй. Они чмокали воздух в сантиметрах пяти от щёк, не производя звука.

«Вторая производная от поцелуя», — подумал Хакон. Он всё это время глупо улыбался и держал двумя руками самовар, как будто полный воды тазик в общественной бане. Американцы одарили его белозубыми фальшивыми улыбками.

Хакон пробежался глазами по комнате. Ничего примечательного. На полу лежали сумки. Огромные, добротные. Замки-молнии из белого металла были расстёгнуты, и саквояжи выглядели как трупы на столе патологоанатома.

Взор Хакона тут же зацепился за россыпь меднолитых старообрядческих иконок – каждая в пол ладошки величиной. Они лежали в одной из сумок сверху, как опавшие кленовые листья. Среди этого старого походного иконостаса для каторжан блестели чистой эмалью несколько хорошо сохранившихся реликвий.

Американцы завели какой-то ничего не значащий разговор, сыпали пустыми благодарностями. Грачёв собирался было сказать, что это всего лишь была его работа (my job), но Хакон вовремя оборвал его тычком в бок и закончил за него, что это, де, было удовольствием (my joy).

Сектанты явно уже не знали ни что сказать, ни что сделать – они глядели на самовар с ужасом. Впихнуть его было совершенно некуда. Да и, честно признаться, незачем.

«Кому он сдался, самовар этот, — думал Хакон. — Они тут икон где-то набрали десятки, причём, чую, редкого толка – от людей часовенной традиции. А тут Грачёв с самоваром. Современным. У них даже розетки другие, не говоря о напряжении в сети. Я слышал, у них чайники сами отключаются. А тут – самовар, прости Господи, который всю квартиру того и гляди спалит. Да какую квартиру – у них же там дома, хоромы».

Тут из второй (и последней, кроме кухни) комнаты раздалось недовольное и старческое:

— Ну кто там ещё?

Грачёв сделал Хакону большие глаза: мол, не знаю, что там за персонаж, никогда не видел.

Четверо американцев сразу стали короче дюйма на два, глаза их заеложили в черепах, разве что не издавая скрипа.

«Первый раз вижу такого типа страх, — подумал Хакон. — Визуализированный в явном виде. А не тавтология ли это? А как называется тавтология, в которой три повторения?» Хакон вдруг почувствовал, что и у него подкосились коленки.

— Тут самовар принесли, госпожа, — проблеял мужчина обладательнице голоса из-за двери.

— Какой век? — был ответ.

Американец замялся, но ответил честно:

— Да никакой. Электрический.

— Кто принёс?! Сюда их давайте.

Мужчина сделал жест рукой, как будто бы подпихивая Грачёва с Хаконем в ту комнату. Сам он ближе к двери не подходил.

«Грачёва, получается, проконвоировали, потому как он зачинщик, — обречённо думал Хакон. — А меня, потому что у меня в руках этот богомерзкий самовар».

Они вошли в комнату, и дверь за ними закрылась так быстро, как будто с той стороны все четверо набросились,

чтобы закрыть её. Первое, что Хакон понял в новом помещении – это то, что профессорские квартиры хоть и профессорские, но тесноты второстепенных комнат у них не отметили. Поэтому вкупе с высоченными потолками конфигурация параллелепипеда получалась как в готическом храме – узкое и очень высокое пространство. В алтарном месте стоял обычный стул. Однако сознание Хакона к тому времени уже работало в измерении храма и тронного зала. Они стали маленькими, как сурикаты. И перед ними был трон размером с дом, на котором сидела Старуха.

Лицо её состояло из треугольников. Сухое подбрюшьё нижней челюсти – один треугольник. Нос с ноздрями – ещё пять. Хакон считал эти треугольники, пока взгляд его не поднялся до глаз. Там он сбился со счёта и услышал вопрос:

— Вы двое идиоты?

Пауза.

— Или провокаторы?

Хакон перенёс самовар, который он держал до этого перед собой, за спину. Что-то глубоко в пятке подало ему идею достать из кармана мумию крысы и незаметно за спиной сунуть в самовар. Борясь с нахлынувшим ужасом, он сконцентрировался на этой материальной задаче. Сознание начало стабилизироваться. К Хакону возвращалась привычная гибкость мысли.

«Гипнотизёрша, — понял он. — Ща мы тебя мигом разделаем, таёжным-то глазом».

И с таким позитивным настроением он стал формулировать ответ на непривычном языке.

— Что там? — спросила Старуха, указывая на самовар.

Молчание было ответом. Молчание это прикрывало страх Хакон и тотальное оцепенение Грачёва.

— Что в нём, спрашиваю?!

Хакон изрёк:

— Ничего. Пустота.

Он сделал три шага вперёд и отдал Старухе металлический сосуд. Она влила свой взгляд внутрь.

— Там мышь!

Она замолчала. По лицу её растеклась сладость.

— Ах, — выдохнула она. — Пустота верхом на Мушикатуре самого Ганеши.

Она помолчала. Грачёва Хакон не видел. Слышал лишь его пыхтение откуда-то справа, сверху, с высоты его роста.

— Пурнам адах пурнам идам, — выскользнуло наконец из блаженных уст Старухи. — Отсутствие самостоятельного бытия. Не отрицая движения... являясь его условием.

Затем она встала. Самовар с давно дохлой крысой при этом куда-то исчез. Хакон подумал, что Старуха спрятала его под стул, который был обёрнут довоенным ещё светло-серым чехлом. Затем она протянула руку и дёрнула шнур, висящий с потолка. До того Хакон его не замечал.

Вмиг сверху расстелилась сетка. Поднялся электрический

ветер. Волосы Старухи отклонились, влекомые зарядами. Свет из окна летел в одну сторону. Пряди Старухи составили с ним угол в одну шестую пи, прикинул Хакон. Вся остальная комната тоже хотела сорваться и полететь куда-нибудь, но пока её час не пришёл.

На потолке оказался обруч, который являлся теперь вершиной шатра, занимавшего всю комнату. По проявлениям электричества, по скорости падения да и по звуку Хакон понял, что это металл.

«Ого, клетка Фарадея, — тут же сообразил он. — Разговор предстоит серьёзный».

— Наконец-то, — сказала старая дама.

Тон её кардинальным образом изменился. Комната тоже успокоилась. Свет за окном скромно притух.

— Я уж думала, так и не встречу здесь приличных людей, в этом вашем «научном центре».

Слово «научный» она произнесла фальцетом, что в её исполнении звучало препротивно. Она села на стул и указала парням на другие два стула, которые, казалось, только сейчас в комнате и появились.

— Печеньки будете? — спросила она.

— Будем, — вернул Хакон добрый пас. — Мы всегда голодные.

Дама крикнула, адресуя реплику находящимся за дверью:

— Брауни нам. И кофе.

Хакон тем временем лихорадочно перебирал варианты,

как можно избежать дискуссии о Ганеше, о существовании которого он узнал только что.

— Ну? Представляйтесь, — приказала пожилая дама. Причём на самом что ни на есть родном языке Хакона с Грачёвым.

Хакон украдкой скоился на Грачёва. Тот продолжал пребывать в лимбо.

«Хорошо хоть на стуле научился за жизнь сидеть даже в таком состоянии. С другой стороны, он и на карачках умеет. Ну, что делать, — думал Хакон, — надо вывозить. Тем более что вроде как есть прогресс. Грачёв, сволочь, чую, наврал глазищами-то мне, что не видел её никогда. Из-за неё, похоже, и приволок меня. Ты, мол, Хакон, гражданский элемент из сыромятных – ты и принимай на себя удар заморской гидры. Ладно, где наша не пропадала».

Хакон поправил рукой несуществующий правый ус и сказал:

— Это Грачёв. А я – Тяжёлая стена.

Старуха улыбнулась:

— Какая, какая стена?

И тут Хакона понесло.

— Взял себе фамилию в честь поборника эфирного подхода к физике.

— Хэвисайд, что ли? — догадалась Старуха. — Откуда такая дивоушен к эфиру?

«Дивный океан?» — подумал Хакон, но значение слова тут же вычислилось по контексту и интонации.

Тут принесли белый кофе с чёрными кексами, и это дало Хакону передышку. Кексы были, очевидно, приготовлены здесь в квартире, незадолго до их визита. Чудеснее запаха Хакон не слышал. Затем выяснилось, что и кофе был привозным. Ничего даже близко подобного Хакон никогда не пробовал. Воодушевлённый таким образом, Хакон решил рубить наотмашь.

— Коли есть волна, есть и то, в чём она волнуется. Тут и спорить не о чем. Спорить надо о том, почему все так упорно запикивают стыдливый взгляд себе в валенок. Самое гнусное, что пара ваших авторитетов, физики из числа... они иммунны даже к попыткам критики. Вокруг них — деривативы неприкосновенности высоких порядков. Хотя официальная история той войны не выдерживает статистической проверки. Хотя нет, что я говорю...

Хакон раздухарился окончательно:

— Я не прав. То было не самое гнусное. Ещё мерзее то, что до трагедии то был великий древний народ, а теперь — обычная жертва обычного государства...

Речь его была прервана неприлично звонким для такой взрослой женщины смехом. Но через миг Старуха строго сказала:

— Так было надо.

— Почему? — опешил Хакон.

— Слишком быстро стала развиваться внешняя физика.

«Внешняя? Слишком?» — подумал Хакон. Однако пока он решал, какой именно задать уточняющий вопрос, проснулся наконец Грачёв:

— Внутренняя точно приведёт в ад. Её следует называть не «внутренняя», а «нижняя». Сказано было: «Что вверху, то и внизу».

Старуха спокойно кивнула:

— Господин Грачёв прав. Исследования микромира опасны. Как и макромира. Но, не обуздав органическую молекулу, мы не вырвемся из лап планеты.

Тут Хакон – в свете того, что полёт на орбиту должен был произойти в ближайшие годы – логики не увидел. Однако, учитывая уровень беседы и ставки в ней, предоставил Грачёву самому решать, куда направить разговор. А то и вовсе не вмешиваться. Поэтому он сидел и молчал.

— Молчите? — сказала Старуха на самой грани между вопросительной и утвердительной интонацией. — А между тем во всей Вселенной для нас есть лишь один Второй Дом. Титан.

Дальше Хакон уже не мог оставаться без уточнений – он рисковал окончательно потерять нить.

— Спутник Сатурна?

— Вы дурак, Хакон? А что ещё? Там можно жить, сменив органику тел. Почти сразу. Огород высадить – и гуляй. Выстроить подходящее тело можно только для Земли и Титана.

Точка.

Вновь воцарилась пауза, и Хакон решил пояснить:

— Мы тут в биотехнологиях отстающие.

Старуха сказала:

— Но вы хотя бы понимаете, что терраформировать твёрдые планеты и другие спутники в Солнечной системе нельзя?

Хакон вновь почувствовал себя в беседе компетентно и комфортно. Он согласился:

— Да, пожалуй. Сроки неинтересные. У кого угодно руки опустятся. Полёт к звёздам тоже не имеет смысла – не будет связности цивилизации. Но спроси меня, я бы строил огромные цилиндры в точках Лагранжа.

— И хорошо, что вас не спрашивают. В науке о политике у вас тут тоже швах.

Хакону стало как-то грустно. Грачёву было, видимо, ещё грустнее. Он сказал совсем уж замогильным голосом:

— Не успеем. В Солнце наверняка есть жизнь. Солитоны. Обратят на нас внимание, не дай Господь, хана нам за восемь минут.

— За девять, — поправила Старуха. — И снова господин Грачёв прав. Но недоговаривает – внутри толщи Земли тоже не может не быть жизни. Она на порядки медленнее в своей физиологии, тогда как плазменная – на порядки быстрее. Чувствуете уже, к чему я?

— Пока нет, — признался Хакон.

— Надо учиться договариваться. С жизнями, пребываю-

щими в других масштабах времени. Ну что, Хакон, поедете учиться этому виду переговоров?

Старуха при этом подвинулась к друзьям вместе со стулом сразу на длину стопы. Не вставая и не подпрыгивая. Хакон отдельным усилием тормознул все возможные спонтанные реплики. Калейдоскопом крутились мысли.

«Грачёва надо, по идее, двигать. Да и тётка больно страшная. А-а-а, зараза!» — мелькало у него в голове.

Грачёв избавил его от страданий:

— Я поеду, — сказал он.

Хакон пошёл на полумеры:

— Я чуть попозже. У нас тут намечается прорыв на орбиту, опять же.

— Приемлемо, — сказала Старуха и сложила страшно морщинистые руки на бёдра. — Замётано. Так у вас говорят? Кстати, про прорыв не обольщайтесь. Первого Покорителя Космоса не может быть даже теоретически. Теория игр. Как только машины покажут шанс выше 66% успеха в третьей последовательной попытке – отправят куклу, а на Земле представят прессе ряженого. Поди докажи, что он не летал. Второй погибнет, а третий реально слетает.

— Да что вы такое говорите, — сказал Хакон, расслабившись уже и забыв, что нужно думать перед тем, как говорить.

— Прощаю вам, Хакон, вашу тупость. По молодости вашей. Два игрока в мире, понимаете? Два. Если один так не сделает, второй сделает обязательно. Ровно потому, что ста-

вит себя на его место. Впрочем, сами увидите. Захотели бы показать достоверность, напичкали бы кабину телеметрией независимой. Но этого не будет, уверяю вас.

Затем она встала, дала Грачёву визитку, и стало ясно, что аудиенция окончена. Хакону она бросила:

— У товарища потом спросите, как добраться.

Друзья вышли из комнаты, потом из квартиры, потом из здания и почувствовали тяжесть от того, что дальше выходить было некуда.

Друзья доковыляли до университетского стадиона, порадовались, что он почти пуст, и уселись на трибуну. Хакон понимал, что разговаривать о Старухе было решительно невозможно. Хотелось, конечно, за Грачёва порадоваться да и себя похвалить за помощь, но все эти обстоятельства были квантово спутаны со Старухой, так что пришлось проглотить.

— Хочешь, визу покажу? — спросил Грачёв.

— Давайте.

Грачёв достал свеженький паспорт, Хакон покрутил его в руках, раскрыл, посмотрел содержимое, даже выпучил комедийно один глаз на штамп, как дознаватель через лупу.

— Не представляешь, сколько волокиты, — пожаловался Грачёв. — Жуткие тётки у нас в бюрократии. Воплощение государства. Государство наше – это старуха. Злая на жизнь старая тётка, которая никому не нужна.

— Ой, не нудите, Грачёв. Ну что, может, ко мне в лабораторию? Я-то при делах. Посидите там, чаи погоняете. У вас в ночь рейс? Где ваш чемодан, кстати?

— Нету чемодана. Пуст я. Да, без четверти полночь надо на экспресс-автобус до аэропорта сесть, и всё. И денег у меня нет на еду больше. В самолёте поем.

— В лаборатории есть кое-какие сухие пайки да консервы. Пошли.

И они пошли к институту. Грачёву удалось без проблем проникнуть на территорию по университетскому пропуску, срок действия которого истекал завтра. То есть в полночь.

В лаборатории они для начала прикончили примерно половину съестных запасов. Хакон чуть поёрзал, предвосхищая завтрашние укоры со стороны старших товарищей, но промолчал. Раздобревши, Грачёв откинулся в потёртой ткани кресла, взяв со стола рабочий журнал.

— НачЛаб Переведенцев, — прочёл он на обложке цвета сгнившего сена. — Какая забавная фамилия.

— Да уж. У вас определённо скучнее.

— Сменю, кстати, как обустроюсь в Америке.

— А что так? Чтобы по-нашенски не звучала?

— Да нет. Сослужила она мне плохую службу. Однофамилец я местному «управделами».

— Это кто такой? И какая вообще связь?

— Мы-то тут с тобой — дети. На иждивении. А взрослые дяди ходят деньги выбивают в администрацию научного цен-

тра. А там заправляют скучные простецы. С великими возможностями. Грачёв тут – главный хозяйственник.

— И что теперь?

— Многие думают, что я его родственник. Оценки завышали. Мне самооценку испортили.

— Преувеличиваете, Грачёв. На конкурсах же вывешивают все решения архисложных задач призёрами. Ваши – тоже. Вам их решать что, фамилия помогала?

— Ты, Хакон, в другой системе координат. По-другому считаешь проблематику окружающего мира на своём масштабе.

— Вам точно нужно к этой Старухе в обучение, — сказал Хакон с улыбкой, почувствовав, что можно уже нарушить табу. Аура силы мощной дамы тоже диссипировала со временем, как и всё сущее.

На том и сошлись. Хакон принялся за рутину. Грачёв погрузился в изучение рабочего журнала за неимением иной литературы. Время текло своим чередом.

✱

Грачёв отложил рабочий журнал и заявил:

— Переведенцев ваш либо вообще не понимает, что волновые пакеты у вас давно живые, либо слишком хорошо понимает. И скрывает ото всех.

— Поясните, — моментально приблизился к Грачёву Хакон.

— Вот, этот пучок, — Грачёв ткнул пальцем в соответ-

ствующее место на бумаге. — Допустим, это я. А этот — ты. Работаем мы с тобой, дела делаем. Разные, сложные. Так сразу и не посчитаешь, кто кому должен, если интегрально. Правдоподобная аналогия?

Хакон пошевелил в раздумьи губами и сказал:

— Допустим. Но баланс где-то возле нуля всё время, иначе один из нас соскочит, как барыги выражаются.

— Совершенно верно. И вот «ты» соскакиваешь. Обидел «я» «тебя». Ну или просто огорошил. Дальше что? — спросил Грачёв.

— Зависит от того, каков последний «баланс», если так можно выразиться, по твоему личному учёту.

— Точно. И может он быть глубоко не в твою пользу? — осведомился Грачёв.

Хакон походил по помещению, пытаясь глубже вникнуть в аналогию. Наконец сообразил:

— В смысле, я должен? Если ты не обо всём говорил, ну то есть излучал в данном приложении — то вполне. Может, я своим уходом тебя подставил ненароком? Я, может, и до этого — ты так считал — недорабатываю. И «ты» просто ждал, пока я верну.

— Правильно. А ты — ни сном, ни духом. По-твоему-то всё как минимум в ноль, но на самом деле ты уверен, что в долгу остался я.

— Конечно, иначе б зачем мне уходить? — заключил Хакон.

Тут Грачёв поднял палец:

— Ну, мыслим ещё случай сознательного грабежа. «Ты» мог знать и принимать, что нагрел меня, и поэтому решил раствориться, диссипировать, пока делов не натворилось. Но этот вариант пока отложим. И вот я начинаю тебе мстить.

— Мстить? Отражать, в смысле?

— Конечно. По полной. Как могу. Деструктивно. И для тебя, и для себя. Может такое быть?

— Почему нет. Может. Да что там «может» — обязательно! Но вот тут взгляни, — Хакон указал на деталь в формуле. — Я не буду в ответ ничего предпринимать.

Грачёв только того и ждал.

— Вот видишь! Ты будешь поглощать. Я буду отражать и даже генерировать, а ты будешь поглощать. И тут большой вопрос, кто вперёд перегреется. Тепло зарождается во мне. Пока до тебя дойдёт, огромная часть того — тью-тью. Мимо попадает. А когда мимо, то там тоже бывают отражения. Среда вовлекается, третьи лица, так сказать, другие сущности.

— То есть когда ты «излучаешь», ты рассчитываешь на мою частичную зеркальность? А её нет. В этом сложность?

— И в этом. А ещё и в том, что тот факт, что «ты» есть атакуемый, виден другим «частицам» в этой «вселенной плазмы». Ты становишься поглотителем, нет тут скорее поглоща-телем и других волн тоже. Ты не можешь идеально отвечать на адресные импульсы.

Хакон начинал потихоньку осознавать грандиозность воз-

можностей. Грачёв уже осознал:

— Хочешь, я тут вам немного подкручу?

Хакон попытался прикинуть ветки сценариев и последствий, но глаза залило бордовой жаждой сделать это здесь и сейчас.

— Рули, — выдохнул он.

Грачёв мрачным стервятником взлетел с кресла и двинулся к блоку управления. Хакон отпустил своё восприятие, и оно теперь порхало над токамаком, как белая голубка. Плюшевая мышь в его кармане пожалела, что она не обычный крысий труп.

Часа два ничего не происходило. Показания с установки лились обыденные.

«Шаблонные какие-то даже числа, — отметил про себя Хакон. — Ничего Грачёв не накумекал. Собственно, а чего я ждал, голова редиской?»

Грачёв же пребывал то ли в прострации, то ли кемарил в кресле.

— У тебя фотоаппарат тут или в общежитии? — спросил он вдруг.

— У меня теперь два, — похвастался Хакон. — И тут, и там. Пложусь. Плодюсь.

— Тут же есть мостовой кран над установкой? Вижу. Есть. Давай я тебя подцеплю, подниму, а ты меня в центре бублика сфотографируешь. Прямо строго сверху. На круглую па-

мать, так сказать.

Хакон мысленно искал в этом предприятии крамолу. Потом вспомнил, что по сравнению с уже содеянным это просто пшик, и выразил готовность.

Определённая заминка возникла с тем, а как, собственно, подцепить Хакона к крюку крана. В итоге, не найдя ничего одновременно подходящего их цели и бесполезного для лаборатории, решили соорудить что-то вроде альпинистской обвязки для тазобедренной зоны из брючных ремней самого Хакона и Грачёва.

Подвесили Хакона с фотоаппаратом. Грачёв стал пробираться под установкой, дабы проникнуть в её геометрический центр. Сбрав по пути пыли весом, наверное, с целый стакан семечек, Грачёв наконец встал ровно посередине.

— Готовы? — спросил сверху Хакон.

Он направил объектив строго вниз. Указательный палец подрагивал на кнопке затвора. Сердце толкало кровь по организму, и ненулевой объём её поступал прямо в самый кончик фаланги. Все лепестки диафрагмы фотокамеры напряглись перед прыжком из центра врозь. Отражённый от Грачёва свет готовился ринуться в толщу стекла объектива, чтобы найти в нём один-единственный путь из бесконечности возможных, на котором минимизировались бы потери энергии.

— Минуту, — молвил Грачёв, поддёргивая спадающие без ремня брюки.

Он воздел руки к небу в шутливом жесте, а потом как-

то резко, сразу, Хакона вырвало. Физиологические ошметья рванули вниз, как будто дело происходило не на Земле, а как минимум на Юпитере. Хакон, в ужасе от предстоящего конфуза, смотрел, как комочки и жидкости летели к Грачёву. Не долетая до него, однако, они сформировали диск в экваториальной плоскости тора установки. Он закрутился спиралями и вскоре засверкал, как Туманность Андромеды. Великолепие это лишило Хакона сознания.

Хакон очнулся перевёрнутым. То есть затылком в твёрдый пол, глазами — в потолок. Он лежал. Над ним нависали два голых мужика. Зрение подводило, слоилось. Понемногу он пришёл в себя.

«Вроде пронесло, — подумал Хакон. — Пу-пу-пу. Непонятно мимо чего. И почему два, а не три?»

Он снова всмотрелся в мир.

«Едрить твою!»

Перед ним были сиамские близнецы с лицами Грачёва. Голые, сросшиеся в торсах. Две руки на двоих. Две ноги плюс какие-то две культы посредине. В лицах не было ни страха, ни безумства, ни даже растерянности. Одна голова сказала:

— Предохранитель установки выбило сразу. Думаю, сейчас погасит весь институт вместе с его резервным питанием. Сможем уйти.

— Вы кто? — спросил Хакон и понял, что в первый раз в

жизни его обращение прозвучало уместно.

— Неувязочка, — сказало лицо Грачёва. — Я дурак. Реплицируется-то топология поля. Метаструктура полости копирует себя, впечатывая свою геометрию в другие поля. Живым является «отсутствие материи», структурированная пустота. Информация – лишь разница, которая имеет значение. Короче, надо бежать. А костюм весь – в пыль! Представляешь?

Хакон был поражён спокойствием «Грачёвых» много больше, чем фактом самого их существования.

— Ку-да ты пой-дёшь?! В таком виде, — выдавил он. Звук «ты» он плюнул прямо промеж голов.

Грачёвы замерли.

— Аааа! — заорали они вдруг в обе глотки. — Паспорт! Виза! Они в костюме были!

Хакон решил, что он свихнулся. Потом принял правила игры и решил досмотреть сон спокойно. Поэтому он вернул себе привычную перцепцию рутинным «отченашим» обычного атеиста, а затем посмотрел на ситуацию снова.

— Успокойся, Грачёвы. Пачпорт твой на скамейке остался лежать. На трибунах. Сам вспомните.

Грачёвы замерли. Потом вспомнили.

— Бежим туда!

Хакон стал коряво подниматься с пола. Встал. Обнаружил на себе лишний ремень, отцепил его. Хотел было отдать Грачёвым, но понял: на двоих одного мало, а во-вторых, куда

им его, голым-то? Делать нечего – повесил себе на талию запасным.

— Ну бежим, — сказал он.

Он снял со стола клеенчатую скатерть, если это можно было назвать скатертью, и накинул Грачёвым на плечи.

«Вот ведь неточность языка, — подумал Хакон. — На плечи. Сколько этих плечей, спрашивается? Что человеку на два плеча, что этому... на все два полных плюс два неполных».

Пока они шли по пустому дугообразному коридору, свет вырубил, как и предрекали Грачёвы. Судя по всему – во всём городке. В окнах, за которыми был уже глубокий вечер, не проблескивало ни огонька. Практически на ощупь Хакон вывел за собой полуголое чудище к выходу. На вахте суетился престарелый вахтёр и два пьяных электрика. Удалось пройти, не привлекая внимания. Снаружи было пусто. Там они все втроём углубились сразу в рощу и, стрелой, по нужному азимуту через заросшие кедрами и лиственницей овраги двинулись к спортивному комплексу. Им предстояло пересечь всего один проспект – остальной путь пролегал в лесу.

Сиамские близнецы шли гротескно, спотыкаясь и причитая в двух октавах. Неестественно широко расставленные пятки оставляли во мху глубокие вмятины из-за двойного веса. Господь молчал. Хакон следовал его примеру. Иногда Грачёвы падали. Они, все двое, подымались тогда босые, держа локти на весу. Казалось, они несли по лакированному

ботинку в каждой руке, чтобы не запачкать их лесной почвой. Один раз они не рассчитали ширину просвета между соснами, и один из них врезался со всего маху в ствол.

— Острым тернием лоб увенчайте! — злобно взревела потерпевшая голова. Распухший и посиневший нос её обиженно повис.

В кювете у проспекта им пришлось пережить кавалькаду пожарных машин и милицейский фургон. Они верещали, как престарелые свиньи, почуявшие запах паяльной лампы. Шум их двигателей долго не затихал, и Грачёвы двинулись дальше, не дождавшись тишины.

Когда они взобрались на дорожную насыпь, с той стороны дороги к ним двигались два инвалида в колясках. Хакон не успел даже оценить это обстоятельство, как тут на дикой скорости вылетела машина. Она двигалась с той стороны, куда уехали пожарные, и водитель был явно не в себе. Авто задёргалось. Тот, кто был за рулём, оказался в редкой ситуации. Перед ним были два препятствия – коляска и ещё одна коляска. Можно было попытаться объехать их обе справа. Можно было слева. Можно было даже между ними. Любое твёрдо принятое решение позволило бы ему разойтись с бедными инвалидами. Но нет – он заколебался, машину снесло вправо, потом влево. Оба инвалида улетели от ударов за разные края дороги. Горе-шофёр скрылся.

Хакон кинулся к одному пострадавшему, Грачёвы – к другому, как могли. Не надо было быть медиком, чтобы понять:

травмы были несовместимы с жизнью.

— Этот мёртв, — крикнул из другого кювета один из Грачёвых через несколько секунд.

Хакон окончательно потерял нить.

«Все от мала до велика, кубарем сыплемся в овраг», — бормотал он.

Не будь тут сиамских близнецов, он просто сел бы на обочину и стал дожидаться людей, властей, кого угодно. Но голос друга вывел его из оцепенения:

— Во что твой одет?

— Чёрный костюм в полоску.

Последовало долгое молчание. Через несколько минут явились Грачёвы. Хакон продолжал сидеть на корточках подле трупа и смятой коляски. В руке у одного из Грачёвых был скомканный и запачканный чёрный костюм в полоску.

— Одинаковые, — объяснил он. — Нигде таких до отлёта больше не успеем найти.

А затем принялся раздевать тело почившего.

«Скончался, претерпев страдания. Скончался, претерпев страдания, — бормотал в трансе Хакон. — Не я решил, Бог сказал».

— За мной! — приказали Грачёвы.

Хакон покорно поднялся, сбил щелчком чужой ноготь со своего манжета и поплёлся за уродом в лес.

Хакон сидел на своей низкой кровати и шил.

«Он запирался с верными в чулане

И с ними там перегонял из колб

Соединенья всевозможной дряни», — гортанно нашёптывал он шов за швом. Нет, он не старался, чтобы светлая полоска на добротной шерстяной ткани слева продолжалась бы полоской и на правой части. Не до жиру, быть бы живу. Из двух костюмов убиенных колясочников Хакон сшивал скафандр для двуголового чудища, то и дело путаясь в топологии страшного тела. Бронзовый напёрсток на пальце его царапался, страдал, но всё-таки преодолевал упирательства цыганской иглы, превозмогал вязкость шерсти и проталкивал фибру насквозь. Фибра за фиброй, фибра за фиброй, фибра за фиброй.

— Фух! Написал, — сказал Грачёв, склонившийся над подоконником.

«Какой подоконник испоганил», — подумал Хакон.

Голые сиамские близнецы разогнулись, повернулись спинами к окну, общий срам их заколебался из стороны в сторону.

— Вот что получилось, слушай. «Гражданин такой-то является единственным законным представителем объединённого организма...» Ну тут чисто медицинское... Вот! «Сознание в левом мозгу признано судебно-медицинской экспертизой как неменяемое, не обладающее собственным “я”, саморефлексией и иными необходимыми атрибутами дееспособного гражданина. Носитель правого мозга является

законным представителем... во всех инстанциях...» Ну и так далее. Пойдёт?

— Пойдёте, — устало ответил Хакон.

— У тебя справка в бассейн есть? — спросили Грачёвы.

— Есть. У всех есть. В тумбочке возьмите.

Хакон не стал интересоваться, зачем им понадобилась справка.

Грачёвы же, выудив из тумбочки справку, принялись срисовывать с неё, подделывать на своей бумаге штамп, нанося тысячи крохотных точек чернилами.

Через час всё было готово.

Хакон сказал:

— Там у меня в тумбочке четыре американских четвертачка завалялось. Возьмите. Это мне в качестве сувениров надавали гости. На них там звонить можно.

— Четыре? Это хорошо, — сказали Грачёвы.

Хакон кивнул.

— Встретимся в городе под именем Звезда-в-Пустыне! — радостно сказали Грачёвы и отбыли на остановку автобуса-экспресса под номером 69.

Хакон снова кивнул.

Дверь закрылась.

— Четыре. По одной на каждый глаз, — сказал Хакон сам себе.

Хакон вытащил из-под мусора в туалете две швабры: давно не выброшенную сломанную и ту, что до сих пор жила.

Связал их, чтобы было длинно. Открыл окно. Сбил гнездо. Оно упало с мягким звуком на кучу старой листвы – кого-то, значит, кастелянша смогла подрядить. Эха, как следствие, не последовало.

А потом Хакон пошёл за мочалкой и мылом, чтобы помыть подоконник. Он мыл, а локоть его ныл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.